

Анна Князева
Селена Лан

**РАЗВОД.
ДЕСЕРТ ДЛЯ ПРОКУРОРА**

УДК 82-3
ББК 84-4
К54

К54 **Князева А.**
Развод. Десерт для прокурора / Анна Князева, Селена Лан – М.: Литнет, 2026.
– 186 с.

ISBN 978-5-524-00447-5

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ!

— Лесь, это не то, как выглядит, это...

— Ага! Вы тут просто чай пили, а заодно сценку репетировали, чтобы в самодеятельности участвовать. Она играла Афродиту, а ты Адониса. Да так вжились в свои роли, что оба разделись. Так?

— Лесь, ну...

— Да пошел ты! — окончательно вспылила я и, замахнувшись, швырнула в него торт. — С годовщиной, говнюк!

Десерт попал прямо на голову муженьку. Белый крем эпично сползал ему на лицо. Казалось, сейчас он больше походил на уличный памятник, над которым долго и усердно кружили голуби.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00447-5

© Литнет, 2026
© С. Лан, 2026
© А. Князева, 2026

Глава 1

Пудобнее перехватила торт одной рукой, чтобы найти ключ от домофона. Сегодня ровно год как мы с Витей женаты. Уверена, что он напрочь об этом позабыл, но я не обижаюсь – в этом весь Арсентьев. Ради того, чтобы сделать любимому сюрприз я раньше уехала от родителей, хотя те в свою очередь обижаются, что я редко у них бываю.

На улице было уже достаточно темно, время близилось к ночи. Запищав, дверь открылась, впуская меня внутрь. На створках лифта вновь висела табличка. Вот сколько уже жаловались на него и все бес толку – постоянно не работает. Ступенька за ступенькой поднялась на седьмой этаж, едва ли не вывалив язык на плечо. Дыхание сбилось. Надо бы спортом что ли заняться? А то с отсутствием лифта ощущаю себя загнанной лошастью.

Решено! С понедельника точно иду в спортзал. Хотя кого я обманываю?

Вставив ключ в замочную скважину, максимально тихо его повернула. Витя точно должен быть дома, все-таки суббота. Поставив торт на обувницу, скинула лодочки. В квартире царил полумрак. Лишь тонкая полоска приглушенного света проглядывала сквозь дверь кухни. Легкая музыка едва слышно играла внутри.

Странно... С каких это пор Витя музыкой увлекся? Он вообще далеко не меломан, там более, что если он что-то и слушает, то уж точно не лирические песни, а скорее тяжелый рок. Хотя это даже к лучшему – будет куда романтичнее.

Свет включать не стала – сюрприз так сюрприз! Я уже в красках представила его реакцию, когда войду на кухню с тортом в руках. Кстати, торт! Вновь взяв его, шагнула вперед и тут же едва не споткнулась о что-то. Неужели я свои туфли не убрала, когда вчера уезжала? Не может быть! Я точно помню, как переобулась и убрала

их на обувницу. А, ладно! Может правда закружилась и только подумала об этом?

Откинув прочь ненужные размышления, прошла дальше. Да что такое! На полу прямо перед дверь валялась какая-то тряпка. Убиться можно, пока до места дойдешь!

Пока не свернула себе шею, быстро открыла дверь кухни. Яркий свет резанул глаза, заставив зажмуриться.

– А-а-а-а! – при моем появлении по квартире разнесся чей-то визг. Резко открыла глаза, всматриваясь в представшую передо мной картину.

– Леся? Ты... Ты откуда? – нервно задержался Витя, стараясь задвинуть за свою спину голую девицу, которая к этому моменту замолчала и искренне пыталась слиться с занавеской на окне.

– Это я откуда? – стараясь совладать с шоком, выдавила я. – Лучше ты мне скажи, откуда здесь эта лохудра?

– Лесечка, милая, я сейчас тебе все объясню, – Арсентьев хотел двинуться ко мне, но тут же понял свою оплошность. запутавшись в полуспущенных штанах. – Ой...

– Вот тебе и «ой»! Ну ты и мудак, Арсентьев.

– Лесь, это не то, как выглядит, это...

– Ага! Вы тут просто чай пили, а заодно сценку репетировали, чтобы в самодеятельности участвовать. Она играла Афродиту, а ты Адониса. Да так вжились в свои роли, что оба разделись. Так?

– Лесь ну...

– Да пошел ты! – окончательно вспылила я и, замахнувшись, швырнула в него торт. – С годовщиной, говнюк!

Десерт попал прямо на голову муженьку. Белый крем эпично сползал ему на лицо. Казалось, сейчас он больше походил на уличный памятник, над которым долго и усердно кружили голуби. Эх... Жаль, что я выбрала самый маленький. Был бы побольше, то и эффект куда лучше получился. Да и на эту чувырлу ни капли не попало, а ведь рядом стоит, за шторкой прячется.

Осмотрелась. У плиты разместилась бутылка дорогого открытого вина.

– Леся, не надо! – Витя вытянул вперед руку, то ли пытаясь прикрыться, то ли остановить меня.

Замахнулась. Очень хотелось и ее разбить о голову муженька, но садиться из-за него за решетку совершенно не входило в мои планы. Швырнула ее в стену над их головами. Так как голая лохудра была за Витиной спиной, то разбившаяся бутылка осыпалась прямо на нее, облив бордовой жидкостью.

– А-а-а-а-а! – вновь заверещала она, отчего я довольно улыбнулась.

– Олесь!

Сил слушать его больше не было. Рванула прочь с кухни, слыша, как вслед мне доносится отборные маты мужа и всхлипы его пассивности. В коридоре хотела быстро обуться, но в темноте найти туфли оказалось не так-то просто. Включила свет. На коврике неподалеку от моих лодочек валялись ярко-красные туфли этой твари, а посреди коридора еще и красная тряпка, видимо, платье.

– Леся! – с кухни выскочил Витя, на ходу застегивая ширинку.

Мигом схватила туфли и выскочила из квартиры под его крики. Хотела спуститься, но в последний момент передумала, побежав наверх. Хоть и мало вероятно, но не хотелось бы, чтобы этот гад меня догнал.

Тут же послышался хлопок двери и топот по лестнице. Витя явно отправился меня искать внизу. Выдохнула.

Не хочу его слушать! И видеть тоже! Никогда! Не знаю, откуда у меня взялось столько силы, но на самый верхний этаж я буквально впорхнула. Возможно, это все стресс.

Сев на ступеньки, я горько разрыдалась в голос, задыхаясь от слез. Не знаю, сколько я так просидела, но силы иссякли. Всхлипывая от рыданий, с трудом поднялась и прислушалась. В подъезде царил тишина. Медленно спустилась на первый этаж и выскользнула

на улицу. Во дворе было пусто. Оно и понятно. Когда я приехала, было уже за полночь. А сейчас и вовсе не знаю сколько.

Подойдя к машине, быстро ее открыла и залезла в салон. Тут же по нему разнесся громкий звонок телефона. Лишь сейчас поняла, что забыла его здесь, но оно и к лучшему. Взглянув на экран, увидела надпись «любимый». Мудак он, а не любимый! Сбросила вызов и вовсе выключила гаджет, откинувшись на спинку сиденья. И что дальше? Я не знала...

Вокруг уже было темно. Надо было скорее решать куда ехать. Наверное, лучше в гостиницу – тревожить в такой час подругу своими проблемами не хотелось. Да и говорить с кем-то тоже.

Завела машину и вырулила со двора, вливаясь с плотный поток. До гостиницы было недалеко. Но доехать я так и не успела. Настолько задумалась, что едва не проехала на красный. затормозив буквально у самого светофора. Да так резко, что мне в задний бампер тут же кто-то врезался. Вот черт! Только этого мне не хватало!

Замерла, глядя в зеркало заднего вида. Из машины вылез здоровенный амбал и направился прямо ко мне. Ой! Кажется, я попала...

Я инстинктивно вжалась в сиденье, мертвой хваткой вцепившись в руль. Сердце заколотилось где-то в горле.

«Ну вот, идеальный финал к идеальному дню», – пронеслось в голове сквозь нарастающую панику. Измена, побег, слезы на грязной лестничной клетке, и теперь вот это. Казалось, вселенная решила добить меня окончательно.

Я медленно, будто в замедленной съемке, подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида. В него уперлась радиаторная решетка огромного, черного, отполированного до зеркального блеска, внедорожника. Он возвышался над моей скромной малолитражкой как скала, напоминая мне всю мою нынешнюю уязвимость. Мою раздавленность.

И тут из этой «скалы» начал вылезать водитель. Гора мышц, затянутая в черную кожаную куртку, натянутую на невероятно

широких плечах. Даже на расстоянии и сквозь запотевшее стекло было видно, что лицо у него перекошено гримасой ярости.

Меня буквально передернуло от одного его вида. Холодная волна страха пробежала по спине, сковывая движения. Инстинкт самосохранения сработал быстрее мысли. Дрожащими пальцами я нажала кнопку центрального замка, услышав спасительный щелчок. Затем опустила стекло всего на пару сантиметров, чтобы слышать, но чтобы нельзя было просунуть руку. Воздух в салоне стал густым и тяжелым, пахшим страхом и остатками дорогого торта.

«Ну все, приехали...» – пронеслось в голове, и почему-то это была не метафора. Сейчас начнется...

– Ты что, дура, куда прешь?! – его голос был не криком, а низким, раскатистым рыком, от которого задрожала не только я, но, казалось, и само стекло. Он ударил ладонью по крыше моей машины, и металл жалобно звякнул. – Права купила, слепая тварь?! Красный от зеленого не отличаешь?!

Я замерла, парализованная страхом. Все мои недавние решимости дать отпор миру испарились, стоило этому миру показать свои настоящие, хищные зубы. Я была просто тряпичной куклой, прилипшей к сиденью спиной и вцепившейся в руль так, что костяшки пальцев побелели.

– Теперь платить будешь! И много, дура! Весь бампер мне помяла! Новый ставить! Ты поняла меня?!

Слезы, которые я так старательно сдерживала все это время, предательски навернулись на глаза. Они застилали мне вид его искаженного лица, но не могли заглушить звук его ненависти.

Я резко вытерла глаза тыльной стороной ладони и, сделав над собой невероятное усилие, выпрямила спину. Через узкую щель в окне посмотрела ему прямо в его свирепые глаза. Мой голос, когда я заговорила, был тихим, но в нем дрожала сталь, которую я сама в себе не знала.

– Эй, амбал, полегче с выражениями, – сказала я, стараясь, чтобы

слова не дрожали. – Я тут ни при чем. Это вы в меня въехали. Я уже стояла. Так что все претензии к себе.

Он отшатнулся на секунду, явно не ожидая ответа. Его бровь дернулась. Видимо, он привык, что от его криков все тут же струсят и начнут заискивающе извиняться.

– Чё-о-о-о-о? – протянул он, и его лицо исказилось еще сильнее, стало по-настоящему пугающим. – Совсем оборзела, дрянь?!

И дальше от него шёл один лишь старый могучий, хорошо приправленный ругательствами, некоторые из них я впервые слышала.

Мне дико захотелось в ответ показать ему средний палец, бросить что-то острое, задеть хоть как-то. Но здравый смысл, который еще теплился где-то в уголках сознания, удержал меня. Этот тип был явно неадекватен.

После такого жеста он запросто мог разбить стекло и вытащить меня за волосы. Я просто сидела и молча смотрела на него сквозь щель в стекле, и, кажется, это молчание, этот спокойный (пусть и наигранный) взгляд злили его еще больше. Он снова ударил по крыше.

– Выходи, говорю! Документы! Страховку! Быстро!

– Никуда я не выйду. Вызываем ГИБДД. Пусть разбираются.

– ГИБДД?! – он фыркнул, и по его лицу пробежала презрительная усмешка. – Я тебе сейчас устрою свое ГИБДД!

– Борис, прекрати! – раздался вдруг спокойный, но властный голос.

Из машины вышел еще один мужчина. Высокий, стройный, в дорогом, идеально сидящем костюме. Темные волосы, резкие черты лица, пронзительный взгляд серых глаз. Сдержанный и холодный, как ледяная скульптура. Он бросил недовольный взгляд на своего водителя, и тот тут же притих, словно нашкодивший щенок.

Мужчина обратился ко мне:

– Извините за поведение моего сотрудника. Он несколько... импульсивен. Давайте все же оформим ДТП, как положено.

«Фух... Хотя один адекватный», – с облегчением подумала я. А этот Борис... настоящий хам! Надо запомнить марку машины и номер, на всякий случай.

– Как положено? – переспросила я, приподняв бровь. – А как положено, когда вы в меня въехали? У меня машина почти новая!

– Я понимаю, – ответил он, взглянув на свои дорогие часы. Его брови слегка нахмурились. – Но мне действительно нужно... срочно уехать.

«А мне, между прочим, тоже», – мысленно фыркнула я. – «Но я же не бросаю все и не срываюсь куда-то».

В этот момент у него зазвонил телефон.

– Да, сынок... – его голос заметно смягчился, стало понятно, что разговор с кем-то очень близким. – Прости, я задержусь... Работа... Да, и еще небольшая авария... Пятнадцать минут, и я буду! Обещаю. Все, целую.

Он отключился и резко повернулся к водителю:

– Борис, быстро в машину! Едем!

А мне бросил напоследок, даже не взглянув в мою сторону:

– С вами потом разберемся.

И они уехали. Просто вот так взяли и уехали... Даже данных моих не взяли! Я смотрела вслед удаляющемуся черному внедорожнику и недоуменно хмыкнула.

– Ну-ну... Разберись... Найдешь ты меня теперь. Как же! Еще чего! Сам виноват!

Внутри бурлила смесь обиды, злости и недоумения. Вот же гад! Еще и угрожает! Разберется он со мной. Посмотрим еще, кто с кем разберется!

Я достала телефон, чтобы вызвать ГИБДД.

После разговора с инспектором ГИБДД, который оказался удивительно участливым и пообещал проверить камеры на перекрестке,

я наконец-то смогла тронуться с места. Теперь нужно было ехать на работу. Предстояло закончить три торта к завтрашнему дню, и мысль о монотонном, требующем концентрации труде вдруг показалась не обузой, а спасением.

Мысль о возвращении домой, в квартиру, где еще недавно мы с Витей были счастливы, а потом я увидела его с этой... девкой, вызывала настоящую, физическую боль. Стены того дома, которые я так любила, которые сама красила и украшала, теперь казались пропитанными ложью и предательством. Нет, я не смогу сейчас туда вернуться. Не хочу видеть его рожу! Не хочу дышать этим воздухом! Каждый уголок будет напоминать о том, как я верила в наше «счастливое будущее». Гад! Изменщик! Ненавижу! Это слово отозвалось в пустоте под грудью горьким эхом. Ненависть была хоть каким-то чувством, она была лучше, чем леденящая пустота, которая грозила поглотить меня целиком.

Машина сама будто знала дорогу, пока я, уставшая до онемения, смотрела на мелькающие огни ночного города. Они расплывались в слезах, которые я уже даже не пыталась сдерживать. Пусть текут. В салоне никого нет, можно быть слабой. Хотя бы эти двадцать минут пути.

Наконец я свернула на знакомую улочку и припарковалась у своего детища – кондитерской «Сладкая история». Вывеска, которую я с такой любовью выбирала, теперь казалась насмешкой. Какая уж там «сладкая история»... Сплошной горький триллер.

Ключ с привычным щелчком открыл дверь. Меня встретил знакомый, уютный, сладкий аромат ванили, свежееиспеченного бисквита, шоколада. Сейчас же он вызывал странное противоречие. Как может мир пахнуть так божественно, когда в нем творятся такие подлости? Я глубоко вдохнула, пытаясь найти в этом аромате хоть каплю утешения, и закрыла дверь на ключ изнутри. Здесь я была в безопасности. Здесь был мой мир.

Моя кондитерская – моя настоящая гордость и, по сути, единствен-